

(с) Издательство "Маяк", 1987 г.
OCR & Spellcheck: Dauphin, 2003 г.

Ранней весной 1891 года к господскому дому в имении Гундуровка подъехал экипаж. Событие это было неожиданным, ибо стояла самая распутица, здесь, в глухом углу Самарской губернии, дороги совершенно раскисли, отчего и ближние соседи воздерживались наносить визиты друг другу. Цокот копыт, естественно, привлек внимание, к окнам небольшого двухэтажного домика прилепились любопытствующие физиономии.

Из экипажа, густо обляпанного грязью, тяжело вылез грузный пожилой господин, всем обитателям дома равно незнакомый. Выбрав на дорожке, что вела к крыльцу, место посуше, он неловко затоптался, разминая затекшие ноги, с интересом стал оглядываться кругом. Его просторное пальто, изрядно помятое в дороге, несло на себе отпечаток столичной элегантности. Лицо приезжего имело приятное, доброжелательное и в то же время задумчивое выражение. А когда оглядывал он мокрые кусты и деревья, в глазах обозначилась живая радость, свойственная людям, глубоко вбирающим в душу каждое подаренное им судьбой впечатление бытия. Сырой весенний ветер трепал густые, слегка тронутые сединой каштановые волосы, играл небольшой аккуратно подстриженной бородкой...

Дождавшись, когда возница извлечет из экипажа багаж, господин двинулся к крыльцу. В передней, куда спешно явились хозяева Гундуровки, приезжий представился: Станюкович Константин Михайлович, литератор из Петербурга.

- Станюкович! - всплеснула руками Надежда Валериановна Михайловская. - И просто литератор! Да вы же, Константин Михайлович, можно сказать, один из столпов отечественной словесности. Повелитель умов! Мы здесь, в глуши, сочинения ваши читали взахлеб. И вы у нас в гостях! Какая честь!

Константин Михайлович ответил на комплимент смущенной улыбкой. Однако, видимо, испытал при этом волнение, что выразилось весьма неожиданным образом: левая сторона его лица дернулась. То ли стараясь, чтобы нервный тик не испугал молодую хозяйку, то ли спеша объявить о цели своего визита, Станюкович повернулся к ее супругу, Николаю Георгиевичу, и торопливо сообщил, что прочитал его рукопись "Письма из деревни", переданную в журнал "Русское богатство", был глубоко ею восхищен, а потому счел долгом своим предпринять эту поездку, дабы познакомиться с Михайловским, изложить ему те мысли, что нахлынули во время чтения, да и вообще взять на себя роль, если позволительно так выразиться, крестного отца начинающего писателя - ввести его в столичные литературные круги.

Речь гостя произвела на хозяина сильное впечатление. И когда Константин Михайлович под конец ее смущенно развел руками, Михайловский схватил их, сжал в своих маленьких аристократических руках, однако оказавшихся необычайно крепкими.

- Благодарю! - сказал он. - От души благодарю!..

В тот визит, продолжавшийся несколько дней, решено было, что печатать будет Николай Георгиевич свои сочинения под псевдонимом. А псевдоним был избран - Гарин - по имени годовалого сына Михайловских Георгия, которого в семье называли Гаря...

Вовсе не сознание того, что знаком с творчеством Станюковича и его эпохой более других, побудило меня взяться за перо, но ощущение духовного единения с автором "Морских рассказов". Наверное, причиной тому и мой опыт морских путешествий, ибо кто долгие месяцы провел в море, кто "об изгибах зеленых зыбей" знает не по книгам, не может не испытывать чувства величайшего почтения к первому, по сути дела, в отечественной литературе писателю-маринисту. Потому-то я не стану вести речь о материях внимательному читателю известных, но постараюсь передать, каким видится мне Станюкович - человек, моряк, писатель.

А при таком подходе эпизод, с которого начал, представляется немаловажным. О нем и приглашаю поразмышлять вместе со мною тех, кто открыл эту книгу.

Представьте себе, как труден был сто лет назад путь от Петербурга